
А хочется листать журнальчик глянцево́ый
И быть смиренной, аки херувим,
И не читать, а только иллюстрации
Воспринимать и радоваться им;
Глядеть в глубины Марианской впадины,
Глядеть обратно из её глубин –
Как голуби черёмухой нагадили
И взгляд у них прозрачно-голубин.

А хочется капризничать, смеяться, и
Ни с кем при этом не крутить роман,
И быть красивой, как аллитерация,
И быть нелепой, как анжамбеман.

Сусанна

Они морщинисты и нескромны,
И скачут рядом, как обезьяны.
Сусанна любит своих геронтов,
Геронты любят свою Сусанну;
Геронты ей предлагают пиво,
Коньяк, мейн-куна, читать и мебель,
Сусанна делает мир счастливым,
Геронты с ней на десятом небе –

Любой себя представляет юным,
Красивым, резвым и неустанным;
Сусанна любит лежать с мейн-куном,
Геронты любят лежать с Сусанной;

Они беседуют про микробов
И по-французски, и по-немецки,
Сусанна любит своих геронтов,
Геронты скачут и жаждут секса.

Её феррари грохочет громко:
Да, насосала, да, насосала.
Сусанна любит своих геронтов.
Геронты любят свою Сусанну.

Утро

Где-то внизу готовят на молоке,
Мужик из четвёртой снова навеселе,
В квартире напротив печётся лимонный кекс,
Жёлтое масло ложится на черный хлеб.

Смотрю на него, размазываю его,
В пятой, проснувшись, ходит и пахнет дед –
Валокардином, дедом. Живой, живой,
Будет шуршать и топать, и так – весь день.

Бабушки из седьмой не видно уже давно,
Любила сидеть на лавке, рассказывать про сыновей,
Про то, как пока что ей хорошо одной,
Старший живёт в деревне, младший живёт в Москве.

Дама на пятом, не замужем, сорок лет,
Стучит каблуками, жизнь у неё не мёд.
Жёлтое масло, кофе и черный хлеб.
Как их зовут? Не знаю я их имён.

Там же, на пятом, громко открылась дверь –
Ведёт спаниеля во двор мужичок в очках.
Звонко вещают о важном девчонки. Две.
И спаниель. Радостный, без поводка

Полураспад

Как стая обезьян по тупиковому пути
Идут картинки всякие в нагретой голове
Над площадью Восстания летит парашютист
Идёт ему навстречу какой-то человек
А в городе Актюбинске открыли зоопарк
Туда приводят пони и розовых щенят
Туда приходят дети собирается толпа
Они едят мороженку и смотрят на меня
Пингвины и учёные цветок и леопард
Всё это происходит в восемнадцатом году
А в зоне отчуждения идёт полураспад
Мне нравятся медведи и голубые какаду
Идёт ко мне с корзиночкой красивый депутат
И пахнет из корзиночки малиной и дор-блю
А в зоне отчуждения идёт полураспад
Люблю я леопардиков
а депутатов не люблю

пыль под его ногами

воображение дорисует чего не станет
довосстановит картину реальности это просто
где-то на грани неба и там за гранью
мысли мои читает усталый Бродский

поезд стоит сине-зелёное лето едет
делает вид что понял усталый Постум
я вспоминаю любовника грека Федю
жарко воняет гарью стучат колёса

И Суламита что-то кричит в запале
этот вот стон песней у них зовётся
Сергий отец рыдает и пилит палец
ласково ласково ласково светит солнце.

можно молиться /надо ли мне молиться
как бы составить эти слова в молитву/
все остальные не стоят его мизинца
флирта на грани секса на грани флирта

в каждой секунде кто-нибудь зашифрован
в каждый момент можно ещё добавить
лето колёсами поезда бьёт неровно
я не могу касаться его губами

но я ведь хочу касаться его губами

пыль под его ногами сейчас отливает медью
солнце ты видишь какое сегодня солнце
я вспоминаю любовника грека Федю.
жарко воняет гарью стучат колёса

Постум неодобрительно смотрит и упрекает
солнце иронизирует и убегает
необходимо потрогать его руками
и посмотреть на пыль под его ногами

такую красивую пыль под его ногами

Аксиомы друг другу противоречат
Выбираю тактику избеганий
А мужчина который тянет на Камбербетча
Всё равно немножечко не дотянет

Пробегают мимо голые партизаны
Раскрывают коды пароли явки
Не смотреть в глаза не показывать им глазами
Всё воспринимаемое двояко

Считывать показатели интеллекта
Слушать речь наслаждаться текущей речью
Вот такое прекрасное нынче лето
И мужчина который тянет на Камбербетча

И любой холерик любой холерик

Понимает что это бесчеловечно

И они и я и в какой-то мере

Тот мужчина который тянет на Камбербетча